

Абрамов Р.Н.: «До моей поездки в ИС РАН я вообще не видел «живых» социологов»

Роман Николаевич Абрамов — относится к пока мало отраженному в нашей историко-аналитической литературе VI поколению российских социологов. К этой когорте нашего профессионального сообщества относятся те, чьи годы рождения заключены в интервале 1971-1982 гг. Таким образом, в конце 2016 года старшим из этого поколения будет 45 лет, младшим — 34 года.

Возрастное различие в 12 лет между этими полюсными группами — немалое, тем не менее, существует нечто принципиальное, объединяющее их. И старшие, и младшие родились и прошли процесс первичной социализации в СССР и в первые годы становления новой собственно российской государственности, но получили образование и — что следует особенно подчеркнуть — начали свою научную деятельность уже в современный, постсоветский период российской социологии. Таким образом, их собственный профессиональный опыт не

включает в себя личное знакомство со многими практиками, институциями, характерными для советского периода отечественной социологии.

Предварительное изучение содержания беседы с Романом Абрамовым и воспоминаний других представителей его социологического поколения, позволяют отнести Романа к относительно небольшой группе этого сообщества, в жизненных траекториях которых яснее, чем в других интервью, просматриваются некоторые характерные для этой общности линии развития, тренды, требующие особого историко-социологического изучения. А точнее, — футурологического. Можно предположить, что члены именно этой группы уже в ближайшие годы смогут образовать интеллектуально-коммуникативное «ядро» своего поколения и стать важным элементом в системе связи между различными когортами российских социологов.

Борис Докторов

— Роман, пожалуйста, кратко опишите годы вашего школьного обучения...

— Период моего школьного обучения символичен — начался он смертью Брежнева и завершился распадом СССР и началом «гайдаровских» рыночных реформ в 1991-92-м гг. В букварях, которые мы получили первого сентября в школе, на одной из последних страниц был помещен цветной портрет Брежнева. Во время похорон и траура по случаю смерти генсека из некоторых школьных классов в коридор были вынесены черно-белые телевизоры, откуда шла траурная музыка. Кажется, один день мы не учились, и я смотрел похороны, а потом выбегал в подъезд или даже на улицу, чтобы послушать длинные тепловозные гудки с находящегося неподалеку депо Пенза-1, которые запускались в этот день. Через два-три года, когда «гонки на лафетах» станут привычными, мы уже не смотрели трансляцию похорон, а просто шли гулять, поскольку иногда эти дни объявляли в школе выходными. Ретроспективно мне кажется, что советский мир моего детства был таковым, что сквозь декорации ветшающей реальности уже проглядывали контуры чего-то другого, а лучше сказать так — ощущение чего-то блеклого, ветхого, потертого как изображение фильма, снятого на не очень качественную пленку Шосткинского объединения «Свема», оставило у меня это время. Мне кажется оно хорошо передано в некоторых поздних советских детективах вроде экранизации «Визита к минотавру» Вайнеров, сериала «Колье Шарлотты» с Ульяновой в главной роли, сериала «Противостояние» с Олегом Басилашвили и т.п. Конечно, было и яркое солнечное лето и искры белого снега в безоблачные зимние дни, но в целом это ощущение серого-синего пасмурного мартовского дня с грязноватыми и ноздреватыми сугробами и одновременно, еще холодно, но уже и почему-то душного воздуха.

Я из того поколения, которое успело в полной мере пройти сквозь настоящее «октябратское» детство и «пионерское» отрочество, а когда по возрасту подошло время вступления в комсомол, то вступать по большому счету уже стало некуда. Впрочем, мы подростки, захваченные перестроечными настроениями, и сами отказывались вступать в комсомол. Уже на самом исходе СССР — в марте 1991 года нас, старшеклассников, которые неплохо учились, собрал директор и просил вступить в комсомольскую организацию. Но тут уж нами была проявлена демократическая принципиальность и мы отказались. Для жителей столичных городов и региональных мегаполисов может показаться удивительным, что в 1991 — он еще кого-то могли агитировать стать комсомольцем в административном порядке. Но тут нужно понимать специфику Пензы и пензенской жизни — города обывательского, консервативного и всегда несколько запаздывавшего с принятием модных столичных веяний: уже в девяностые Пенза и область устойчиво входили в электоральный «красный пояс», где на выборах разного уровня коммунисты и патриоты неизменно получали массовую поддержку избирателей. Поэтому советские практики там до последнего соседствовали с появившимися кооператорами, видеосалонами и даже какими-то единичными «демократами», требовавшими больше «гласности». Так что агитационный порыв нашего директора школы по приему в комсомол тогда, когда уже вся советская система находилась на грани распада, вполне адекватен темпу пензенской жизни.

В 1992-м г. я окончил школу без каких-то очень выдающих-

ся успехов в виде золотой или серебряной медали. Помню, что это было странное время — в магазинах пустые полки, в голове учителей, да и многих других тоже гуляет ветер, гоняющий какие-то уже ненужные мысли о только что распавшейся советской системе и идеологии. Впрочем, наши учителя были больше озабочены тем, насколько хорошо мы успеем подготовиться к поступлению в институты и поэтому не сильно отвлекались на политику. Я думал куда поступать. Из моего выпуска, несмотря на то, что там были очень умные одноклассники, в тот год почти никто не уехал поступать в вузы в другие города — родители стремительно беднели, вокруг была неопределенность и беспокойство. А в Пензе выбор высшего образования был небогатый, поскольку город никогда не был значимым вузовским центром: пединститут, где присутствовал паллиатив гуманитарных специальностей в виде подготовки учителей истории и литературы, «политех» с инженерными специальностями, спрос на которые стремительно падал, поскольку всякие НИИ и КБ стали первой жертвой рыночных реформ, «сельхоз» там преимущественно учились выходцы из семей агрономов и председателей колхозов. Еще были вечерне-заочные инженерный ВТУЗ и бухгалтерский ФЗФИ. Учительница литературы, обнаруживая во мне зачатки литературного таланта, обещала протектировать при поступлении на факультет русского языка и литературы в «пединститут», но в результате мы с родителями решили отказаться от этого варианта — тогда нужны были неформальные связи для поступления в «пед», считавшийся престижным, да и учительская стезя не впечатляла. В итоге, остановился на Пензенском строительном институте, где открывался факультет менеджмента под руководством С.Д. Резника. Экзамены сдал успешно и после некоторых бюрократических трений, был туда зачислен. Вот примерно так, вполне стандартно, завершился школьный период моей жизни.

— Какие экономические учения и принципы менеджизма Вам преподавали, о какой системе управления на производстве Вам рассказывали? Ведь марксовские положения вмиг были отринуты, Госплан прекратил свое существование, КПСС с ее контролем кадровой политики уже не существовало, предприятия приватизировались...

— Когда я учился в Школе юных менеджеров (ШЮМ) в 1990-92-м гг., а затем на факультете менеджмента строительного института, то, конечно, настоящие рыночные реформы только начинались, хотя лозунги «перехода на самокупаемость» и кооперативное движение появилось раньше. Уже в 1988-89 гг. в Пензе работало множество кооперативных магазинов (помню вполне апокрифические название одного из них «Альянс»), видеосалонов, и площадь центрального рынка превратилась в гигантскую барахолку, где бабушки с семечками и вязаными пинетками соседствовали с продавцами джинсов-варёнок (торговая марка «Мальвина»), шуб из собачьих шкур, выдаваемых за волчьи и зимних шапок из бараньей шерсти. То есть бизнес рос, хотя и рост этот был таким, каким может быть в стране, где за несколько лет до этого активно боролись с «нетрудовыми доходами» и всерьез думали о том, как сделать так, чтобы дачники ни в коем случае не стали выращивать овощи и фрукты на продажу. В это время «кооперативного движения» райкомы КПСС с их планами очередной пятилетки и социалистическими обязательствами вполне себе соседствовали с рекетом, первыми легальными миллионерами и модными и невиданными статусами «бизнесмена» и «менеджера».

Сейчас уже жителям крупных городов довольно сложно вообразить времена, когда книги нельзя было заказать на «Озоне» или просто скачать их электронные копии, поддерживая, таким образом, глобальное движение за свободный контент, символом которого является старый добрый Веселый Роджер. В 1990-93 гг. в провинциальных городах нужные книги приходилось добывать каким-то изобретательным способом или покупать по сумасшедшим ценам на всё той же барахолке: старая совет-

ская система книжных коллекторов деградировала, а до развитого книжного сетевого ритейла было еще как минимум лет пятнадцать.

Однако мои преподаватели каким-то образом были в курсе новинок, вышедших по теме менеджмента, экономики и бизнеса и активно рекомендовали нам эти новинки приобретать. Сначала все увлеклись чтением Дейла Карнеги с его рецептами по тому как «приобрести друзей», параллельно с этим вышла самодовольная автобиография фордовского топ-менеджера Ли Якокки, которая также была прочитана еще до поступления в институт — в Школе юных менеджеров. Менеджерская биография мне понравилась, а друзей я все-таки обретаю, не прибегая к карнеговским советам. Еще читали переводной учебник по менеджменту Хедоури и других авторов.

Уже на первом курсе института мы всем потоком рыскали по книжным базам и магазинам Пензы в поиске двухтомного переводного учебника Макконела и Брю «Экономикс» вводного курса современной макро и микроэкономики для американских университетов. Сейчас профессиональные экономисты только посмеются над этим «детским» учебником, но тогда это был настоящий прорыв после книг по «социалистической экономике».

А что же наши преподаватели управления и экономики? Были ли они хранителями знания об уходящей советской экономике или стремились познакомить нас с принципами рыночного хозяйствования на основе доступной современной литературы? Скорее второе — мои институтские преподаватели по экономике и менеджменту были в курсе нового знания и стремились его максимально качественно преподать для нас. Тут, как мне кажется, есть заслуга основателя факультета С.Д. Резника, который стимулировал всех преподавателей к обновлению содержания их курсов. Поэтому не могу сказать, что я получил какие-то архаичные знания во время обучения в институте.

Другое дело, что реальность постсоветской экономики отнюдь не соответствовала гладким теориям «экономикса» или современного менеджмента. Эта реальность, как мне представляется сегодня, была причудливым воплощением психоделического сна «прогрессивного» советского экономиста из полуприкладного академического института, в голове которого фрагменты знаний и мечтаний о современной экономике и верой в «невидимую руку рынка» переплелись с марксистскими формулами о «первоначальном накоплении капитала», «обнищании трудящихся, как необходимом этапе развития капитализма», «ренте и прибыли» и т.п. Оказалось только, что быть участниками этого сна — не самый завидный удел.

— Какие перспективы для работы открывались перед дипломированным менеджером после окончания института? Какой путь Вы избрали?

— После окончания вуза мы стали дипломированными менеджерами в строительстве. Довольно бесполезная специализация в Пензе 1997 г. Большинство строительных организаций советского типа (СМУ, тресты и т.п.) разорились или владели жалкое существование — объемы строительства снизились в десятки раз по сравнению с 1980-ми годами, когда Терновка и Арбеково стали самостоятельными огромными районами новостроек. Теперь же в районе Арбеково строился один девятиэтажный дом в течение нескольких лет. Конечно, шло индивидуальное строительство на Бугровке и в других пригородах, но его масштабы не требовали найма «менеджера с высшим образованием» бригадира-самоучки было достаточно. Так что все-равно большинство из моих сокурсников карьеру в строительной отрасли не рассматривали, хотя те, у кого родители уже занимали руководящие должности в оставшихся профильных организациях, пошли туда же на позиции клерков.

Большинство ориентировалось на социальные ресурсы родителей и родственников, которые думали, куда пристроить новоиспеченного «менеджера». Те, у кого ресурс был побольше, осели в муниципальных организациях и госструктурах, или

бизнесах своих родственников. Остальные — кто как.

Признаться, сам я не очень представлял, чем буду заниматься после окончания института. Связей у нашей семьи практически не было, и рассчитывать на какую-то стоящую должность, не приходилось. Да и я не особо задумывался — был занят личной жизнью, учебой, чтением книг, общением с друзьями и посещением рок-концертов местных команд.

Учился я хорошо и, начиная со Школы Юных Менеджеров, С.Д. Резник вовлекал меня в научную работу — что-то я реферировал, что-то немного писал. По окончании института он предложил мне пойти в очную аспирантуру по управлению на кафедре менеджмента. Я согласился и провел год на кафедре, где изнутри смог увидеть вузовскую жизнь не как студент, а как сотрудник. Курсов я еще никаких не преподавал, хотя ездил в качестве игротехника в Молодежный экономический лагерь (МЭЛ) — очень интересный проект социальных игр, задуманный моим одноклассником Игорем Резником и его братом Владиславом и каждый год, начиная с 1996 г. воплощавшийся в пятнадцатидневную смену в одном из бывших пионерских лагерей недалеко от Пензы¹. Что это было? Довольно сложно описать в нескольких словах: социальная игра, ориентированная на средних и старших школьников, которая призвана была показать им работу ключевых гражданских и рыночных институтов — парламентских и президентских выборов, работу правительства, биржевые операции, деятельность бизнеса, функционирование свободной прессы и многое другое, что сопровождает жизнь современных обществ. Это была сценарная игра — «живой» симулятор большой социальной и экономической реальности, а участники могли ощутить себя наемными работниками, предпринимателями, журналистами, государственными чиновниками и т.п. В игре действовала собственная валюта и правила, связанные с оценкой трудового вклада, прибыли, котировками акций и многим другим. Об этом опыте выходили книги и статьи и даже, кажется, была защищена диссертация, его обобщавшая. Я работал игротехником — одним из тех, кто разрабатывает игровой сценарий и координирует одно из направлений в ходе смен. Опыт был яркий и незабываемый.

Итак, как-то само собой получилось, что после окончания вуза я остался в институте аспирантом и избрал этот путь. Подрабатывал ли где-то? Кроме участия в МЭЛе почти нет. Время от времени был книгоношей — ходил с дипломатом учебников бизнеса и предпринимательства по офисам и техникумам и предлагал купить эти книги. Поставки книг из Москвы организовывал Игорь Резник — распад советской системы распределения книжной продукции архаизировал эту и многие другие сферы торговли: поэтому товарный голод вынуждены были заполнять «челноки», действовавшие с разным размахом и территориальным охватом. Я же был простым продавцом. Не могу сказать, что я заработал что-то существенное, но в тогдашнем полном безденежье и это имело значение. Еще один из старших коллег по кафедре позвал меня преподавать основы экономики для старших школьников в самую прогрессивную на тот момент пензенскую школу — Гимназию №13. Тогдашний её директор смог превратить типовую школу в районе типовой панельной застройки в оазис всяких педагогических инноваций. Он налаживал контакты с какими-то испанскими детскими цирковыми школами и уже тогда организовал подобную школу на базе своей гимназии. Также в гимназии имелся свой психолог, английский язык преподавала американка из «Корпуса мира», работала преподавателем этикета и даже одно время действовал факультатив по игре в покер (или преферанс? Не помню). При этом базовая подготовка по основным предметам тоже была на высоте — выпускники успешно поступали в хорошие вузы на престижные факультеты. Творческой была сама обстановка в этой гимназии и преподавать там было интересно, хотя и не-

просто. Все-таки школьники — это очень специальная аудитория и чтобы удержать их внимание, и при этом донести до них что-то дельное, нужно иметь преподавательский талант. Я не думаю, что обладаю таковым, но в целом справился, хотя понял всю тяжесть труда школьного учителя.

— **Роман, ...в конце 90-х Вы перебрались в Москву. Как это произошло? Почему? Наверное, очень непросто было?**

— Если быть совсем точным, я приехал в Москву 5 ноября 1998 года. Запомнил эту дату, потому что накануне в Пензу приехал с концертом Борис Гребенщиков, и я перед отъездом решил не ходить на концерт, да и денег не было. В Москву я переехал случайно, хотя мотивация бегства из Пензы и всей окружающей обстановки назревала в течение всего первого года после окончания вуза. Итак, я поступил в очную аспирантуру под руководством С.Д. Резника и, получая какую-то стипендию, сидел на кафедре и еще что-то преподавал в гимназии №13. Жена также пошла на работу, но денег не было — первые полгода она вообще не получала зарплату из-за задержек с выплатами. Жили тем, что удалось собрать с огорода, да какими-то малозначительными приработками. Second hands давно уже стали местом наших постоянных визитов. Наша жизнь свелась к общению с родителями, друзьями, прогулкам (ведь прогулки бесплатны!) и чтению книг. Предполагалось, что в аспирантуре я буду писать что-то о кадровом менеджменте, но к тому времени к менеджменту как-то поостыл. Был, в общем-то внутренний кризис, подогреваемый внешними неблагоприятными обстоятельствами.

Нужно сказать, что Пенза от начала реформ 1990-х и до начала 2000-х гг. была не самым веселым местом — железные колонны коммерческих ларьков, темнота на вечерних улицах, театр с довольно однообразным репертуаром и постепенно угасающая жизнь музыкального андеграунда, откуда также происходила миграция в «нормальную жизнь» и более крупные города. Спасали книги и узкий дружеский круг. Говоря марксистско-ленинским языком «назрели объективные предпосылки» для радикального изменения собственной жизни.

И идея переезда в Москву возникла как дверь, которая неожиданно появляется в конце длинного и скучного серого коридора. Сложилось так, что несколько коллег с нашей кафедры ездили в Москву на месячные курсы по социологии — это называлось «кухтеринские курсы», которые проходили в Институте социологии РАН. В нашем институте этими поездками отчитывались как повышением квалификации, да к тому же проезд туда и обратно оплачивался принимающей стороной и выплачивалась стипендия в размере аж 100 долларов США. При этом на курсах учили действительно интересным вещам — молодежным субкультурам, методам проведения опросов и т.д. Я узнал, как записаться на эти курсы — отправил туда реферат и где-то в начале марта, позвонив Кухтерину, узнал, что могу поехать на месяц в Москву на курс «Социология менеджмента».

Нужно сказать, что до этого мои визиты в Москву носили сверхкраткий характер — кажется лишь однажды, проездом на конференцию в Тверь, я провел в Москве день или полтора. Огромный и загадочный город для абсолютного провинциала, подобного мне. Помню, что ездил к МГУ и приобрел в одной из университетских книжных лавок англо-русский сборник песен Джима Моррисона и зеленый том собрания сочинений Иосифа Бродского, которого в Пензе было не достать. Маньеристский выбор, по — своему.

В начале апреля 1998-го г. я отправился в Москву, кое-как нашел Институт социологии и заселился в академический хостел, Дом аспирантов и стажеров на Островитянова 35-а (ДАС-2), в котором затем мне предстояло прожить года полтора. После Пензы, где самым высокими зданиями были несколько четырехнадцатипятиэтажных башен, Москва, конечно, поражала своими

¹ Детальнее об этом опыте социальных игр см. Резник И.С. Развитие концепции непрерывной практической подготовки молодежи к предпринимательской деятельности. Диссертация на соискание к.экон.н. Саратов: 2003

размерами, ритмом и новыми видами городских сервисов. Метро, трамвай, торговый центр с лифтом на Охотном ряду — всё это отсутствовало в Пензе.

Что еще было радикально иным? Конечно, атмосфера академического института, в которую попал, стажирясь в этом центре. Директором института в то время был В.А. Ядов — открытый, живой, настоящий, стремительный, он, придав хороший импульс развитию ИС РАН, освежил и деюрократизировал работу этого академического центра. Это ощущалось и в том, как были организованы курсы под руководством С.Е. Кухтерина, какая там была атмосфера дружелюбия, открытости, отсутствия какой-либо казенщины и бюрократии, чем болело всегда, а теперь в еще большей степени заражено наше высшее образование. К тому же, до этого визита я вообще не видел «живых» социологов, поскольку прикладными исследованиями на кафедре менеджмента занимались коллеги, которые исходно были ориентированы на управленческие дисциплины и менеджерскую эпистемическую культуру. Кажется, у М. Соколова и его коллег в публикациях есть рассуждения о том, как разные академические культуры в социологии репрезентируются в способах держать себя и в выборе стиля одежды. Но, различия между теми, кто занимается менеджментом, и теми, кто включен в академическую культуру социологии, более глубоки и разительны, поскольку менеджмент связан с идеологией, контролем и властью, нежели любая из версий социологического знания. Иногда эти различия проявляются в манере держать себя, в выборе стиля одежды, но мне кажется, что они связаны со способами мышления о социальном — то, что для социолога является объектом рефлексии, то для специалиста по менеджменту является объектом власти и контроля. Сегодня социология всё же в большей степени изучает окружающий мир (пусть подсудно и изменяя), тогда как менеджмент прямо собирается сделать этот мир более «эффективным», изменяя его. Да и сильная прививка критической и марксистской традиции в социологии не позволяет ей превратиться просто в «социальную инженерию». Впрочем, оставим эти спекуляции.

Итак, мое знакомство с социологией началось с курса «Социология менеджмента», который читал П.В. Романов, незадолго до этого вернувшийся со стажировок в Великобритании. Параллельно шел еще курс «Модели объяснения и логика социологического исследования», который вела И.Ф. Девятко. Тот курс был недоступен для моего понимания — даже не все дипломированные социологи и уже работавшие преподаватели, приехавшие на эту стажировку, могли полностью понять содержание этого курса в силу его сложности и теоретической направленности. Я же тогда вообще не был знаком с социологической теорией.

Впрочем, и на вроде бы знакомый мне предмет изучения — менеджмент у П.В. Романова был совсем иной взгляд, чем тот к которому я привык в среде специалистов по управлению. Этот взгляд — аналитическая позиция исследователя, а не прагматическая позиция консультанта. К тому же в процессе преподавания П.В. Романов активно обращался к современным социологическим теориям и методам визуальной антропологии, что радикально отличалось от привычных мне способов мышления о менеджменте и, как оказалось, ближе к моему пониманию этой наукообразной идеологии и практики. Конечно, британская традиция изучения промышленного менеджмента во многом базировалась на неомарксистских концепциях, и это тоже оказалось довольно интересным. К каждому занятию по курсу мы должны были прочитать несколько текстов из ридера, и,

хотя не всех из них я понимал, но и манера ведения занятий и общения и содержание курса П.В. Романова меня увлекли. О своих впечатлениях от того времени я рассказал в эссе, посвященном юбилею Павла Васильевича². К сожалению, последнего юбилея в его жизни...

Видимо, мой энтузиазм чем-то привлек П.В. Романова и на завершающем этапе курса он предложил мне приехать в Москву, чтобы получить социологическое образование в одной из двух магистратур, которые олицетворяли новый образ социологии и базировались в «кухтеринском центре» при ИС РАН и в МВШСЭН («Шанинке»). Я решил начать с магистратуры при Институте социологии РАН.

Решение было принять просто, но его воплощение вызывало затруднения и практические вопросы. Во-первых, нужно было решать вопрос с пензенской аспирантурой — переводиться в СГУ, где базировались Е.Р. Ярская-Смирнова и П.В. Романов. Это было непросто, и связано с неприятными разговорами в ПГУАС и оформлением массы бюрократических бумаг. Во-вторых, непонятно как быть с семьей — жена только что нашла относительно оплачиваемую работу, и одновременный переезд в Москву был маловероятен. В конце концов, решили, что жена присоединится ко мне через год, но фактически, это получилось сделать только через два года. В-третьих, у меня самого был внутренний страх перед будущим — другой огромный город, новые люди и отношения и многое другое. Большой вызов для домашнего, глубоко провинциального и довольно таки инфантильного молодого человека с не самым лучшим образованием и отсутствием практического знания жизни. В-четвертых, это вопросы коммуникации — интернета, мобильной связи и электронной почты, как массовых явлений, тогда не существовало, тем более в таком депрессивном регионе, каким была Пенза, а поэтому для связи с С.Е. Кухтериним и саратовскими коллегами я бегал на переговорный пункт, что находился на втором этаже железнодорожного вокзала Пенза-1. Уйдя из пензенской аспирантуры, я остался в «нигде», поскольку экзамены в московскую магистратуру начинались в ноябре, тогда же был возможен и перевод в саратовскую аспирантуру. В течение июня-октября 1998 года я совершил несколько поездок в Саратов и сделал бесчисленные звонки в Москву. Материально мы могли выживать благодаря зарплате жены, натуральному хозяйству, моей летней подработке в МЭЛ.

Параллельно я начал готовиться к экзаменам в магистратуру в Институте социологии РАН. Поскольку я совсем не разбирался в социологической литературе и её выбор в Пензе был небогат, то готовился я по случайно попавшим в поле зрения источникам: учебнику «Социология» Радугиных³, оранжевому «соросовскому» изданию истории теоретической социологии под ред. Ю.Н. Давыдова⁴, учебнику по методам социологии М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги⁵ и изданной в 1997-м году небольшой книжке А.И. Кравченко о вкладе М. Вебера в социологию труда⁶ с переводом пары текстов немецкого классика о социальном статусе. Скажу прямо, я мало что понимал в этих книжках, особенно тяжело мне давалась социологическая теория, так как это был другой язык, другое мышление, вообще всё другое, а философского и гуманитарного бэкграунда у меня не практически не было.

Собрав небольшую сумку, забрав у жены оставшиеся совсем незначительные деньги, и получив от родителей какую-то сумму (по-моему, её эквивалент был порядка 20\$), я двинулся в столицу. Тут нужно вспомнить, что август-декабрь 1998 года — это пик большого и острого экономического кризиса, покон-

² Кажется, сейчас сайт с юбилейными воспоминаниями о Павле Романове не работает.

³ Радугин А.А., Радугин А.К. Социология. Курс лекций. М.: Инфра-М, 1998.

⁴ Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму). М.: Наука, 1994.

⁵ Основы прикладной социологии. Учебник для вузов. Коллективная монография. Ред. Шереги Ф.Э., Горшкова М.К., М., Интерпракс, 1996

⁶ Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М.: «На Воробьевых», 1997.

чившего с первым призраком российского среднего класса, но давшего старт многолетнему экономическому росту, потребительской революции и «эпохе путинской стабильности». На моей семье кризис не отразился, так как никаких сбережений у нас не было, но уже в магистратуре неполадки нашей банковской системы привели к тому, что стипендии мы получили, кажется, только в середине декабря.

Сам по себе приезд в Институт социологии не означал автоматического зачисления в магистратуру — предстояло пройти экзамен-собеседование. В комиссии были В.А. Ядов, А.Ю. Согомонов, С.Е. Кухтерин и кто-то еще — память не всех сохранила. Мне достался вопрос о теории общества Н. Лумана, и тут помогло чтение «соросовского» оранжевого учебника — я вспомнил роскошное слово «аутопойэзис» и имя Матураны. Потом были вопросы о моем реферате, который я сделал, опираясь на книжку о Вебере и его вкладе в социологию труда. В итоге я был зачислен в магистратуру: несколько претендентов вернулось домой. Так началась моя жизнь в Москве.

— Складывается впечатление, не только из Вашего рассказа, что «Кухтеринские курсы» сыграли (играют?) очень важную роль в становлении новой, постсоветской социологии. Пожалуйста, опишите, как у Вас был построен учебный процесс, что Вы вынесли из обучения в этой «школе»?

— Я считаю, что в истории нашей социологии вклад Центра социологических исследований (ЦСО) под руководством С.Е. Кухтерина в становление не просто постсоветской, но российской социологии, остается недооцененным. Наряду с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, МВШСЭН под руководством Т. Шанина, ЦНСИ под руководством Виктора Воронкова, кафедрой социальной работы СГТУ, где работали В.Н. Ярская, Е.Р. Смирнова-Ярская, П.В. Романов, исследовательской сети ИСИТО, научно-исследовательского центра «Регион» под руководством Елены Омельченко и некоторых других команд, Центр социологического образования при Институте социологии РАН стал важным источником формирования новой исследовательской и образовательной повестки российской социологии. До середины 2000-х гг. центр сохранял свои лидерские позиции в качестве важной образовательной площадки. Потом, на мой взгляд, ситуация стала меняться, отчасти и потому, что благодаря ЦСО на авансцену вышли новые организации, люди, сюжеты. Думаю, что из более-менее активно публикующихся российских социологов в возрасте от 35 до 55 лет трудно найти тех, кто либо не учился в магистратуре ЦСО, либо там не преподавал, либо не был стажером или гостем этого центра.

Историю возникновения ЦСО я знаю не очень хорошо — полагаю, что лучше о ней расскажут В.А. Ядов, А.Ю. Согомонов, С.Е. Кухтерин, И.Ф. Девятко и те, кто занимался его созданием в середине 1990-х гг. Естественно, что без поддержки международных фондов, работа центра была бы невозможна в условиях, когда стране было не до науки.

Итак, после успешного прохождения собеседования магистранты ЦСО Института социологии РАН в ноябре 1998 г. остались в Москве для обучения. Среди них был и я. Тут надо сказать, что номинация «магистр» и «магистрант» тогда выглядела довольно экзотично: вузы еще десятилетие готовили «специалистов», пока наша образовательная система не восприняла принципы Болонской системы. В Пензе, году в 1994-м или 1995-м мне попадалась чья-то визитка, на которой было гордо написано «магистр психологии», но где её обладательница успела получить эту степень в то время — не знаю. Еще А. и Б. Стругацкие активно наделяют молодых научных сотрудников НИИЧАВО титулами «магистров» и «бакалавров», чтобы подчеркнуть «волшебную» сторону деятельности этого НИИ. То есть ни работодатели, ни сами учащиеся, ни преподаватели в то время не очень понимали — что же именно кроется в обозначении «магистр», кроме неясных аллюзий со средневековой алхимией. Это сейчас магистратуры стали привычными, в некоторых ву-

зах магистрантов больше, чем учащихся бакалавриата.

Мне кажется, что распределение нас по будущим научным руководителям в первые недели учебы, для многих стало определяющим в их дальнейших биографиях. Этим распределением занимался А.Ю. Согомонов, который вел еженедельный академический семинар и, если не ошибаюсь, являлся академическим директором Центра. У многих моих коллег по группе, кто получил профильное образование в социологии и социальной философии или успел принять участие в исследованиях, уже были предварительные соображения относительно будущей темы исследования и возможного руководителя. Я же писал что-то о «кадровом менеджменте» и боялся резко менять направление, поскольку даже выученные к экзаменам социологические понятия, почти сразу испарились из моей головы после успешного прохождения собеседования. Помню, что, поговорив со мной на предмет будущей темы и моих интересов в социологии, Александр Юрьевич тяжело вздохнул, задумался на полминуты и сказал примерно следующее «Не знаю, что с тобой делать. Может быть, Девятко разберется». Так, моим научным руководителем и Учителем стала Инна Феликсовна Девятко.

Если же описывать атмосферу ЦСО и учебного процесса, то высокая степень академической свободы, камерность обучения, неформальность общения при одновременной очень сильной вовлеченности всех участников в процесс обмена знаниями — это то, что создавало необходимое интеллектуальное напряжение для вхождения в мир социологии. ЦСО располагал двумя компьютерными классами, небольшой, но хорошо подобранной библиотекой, несколькими аудиториями, возможностью делать копии частей книг и журнальных публикаций. Плюс мы получили доступ к ИНИОНу и библиотеке Института социологии. Для того времени — богатые возможности: ведь в России интернет находился на этапе перехода от забавы для гиков к массовой коммуникативной среде, а поэтому доступ к текстам на «бумажных носителях» был очень важен. Кстати, свою первую электронную почту в mail.ru я завел именно тогда — в первые недели обучения.

Учились мы четыре дня в неделю — четверг, кажется, был библиотечным днем, когда мы работали над эссе и, затем, над своей магистерской диссертацией. Кто преподавал нам? Точные названия курсов я, пожалуй, не вспомню, но постараюсь вспомнить, кто и о чем читал нам лекции и вел мастер-классы. И.Ф. Девятко вела курсы «Методы социологических исследований» и «Модели объяснения и логика социологического знания». Освоению этих курсов нам помогли вышедшие примерно тогда же отличные учебники, написанные Инной Феликсовной, хотя, конечно, учебниками мы не ограничивались. Также И.Ф. Девятко читала курс «Современные социологические теории». Некоторые темы по этому курсу были прочитаны С.П. Баньковской. «Историю социологии» читал А.Б. Гофман, а часть истории русской социологии читала З.Т. Голенкова и несколько лекций В.В. Сапов. В.А. Ядов читал свой курс, связанный с полипарадигмальным подходом к социологическому знанию — он тогда был сильно увлечен идеями П. Штомпки. А.Ю. Согомонов вел академический семинар и в своей яркой манере побуждал нас творчески подходить к поиску исследовательской проблемы. Социальную психологию преподавала Г.М. Андреева, работу с SPSS осваивали под руководством М.Ф. Черныша, качественные методы преподавала В.В. Семенова. Также часть лекций и семинаров проходили под руководством Г.М. Масловой, лекцию о социологии В. Парето прочитал А.А. Зотов и др. Возможно я упустил кого-то важного и прошу за это прощение. Резюмировать можно так — наши занятия вели ученые, теоретики и исследователи, увлеченные своим делом и стремившиеся максимально полно передать свои знания и опыт нам. Кроме того, мы были завсегдатаями академических семинаров и научных докладов, которые проходили в стенах Института социологии. Это можно рассматривать как значимую часть профессиональной социализации.

Поскольку бюрократия (подготовка УМК, разного рода отчетность и проч.) в магистратуре ЦСО была сведена к минимуму, то и преподаватели чувствовали себя свободно — общались с нами за пределами формального расписания, активно делились своими находками и творческими идеями. К тому же наша группа была совсем небольшой по численности — кажется не больше 17 человек, что также давало хорошие возможности для плотного общения с преподавателями. Большинство наших преподавателей были не из вузов, а из академической среды Института социологии, что очень положительно сказывалось на качестве обучения и атмосфере дружелюбия и творчества: будучи, преимущественно, исследователями, они не имели статусных и педагогических стереотипов, каковы неминуемо вырабатываются у всякого, кто на протяжении долгого времени тянет преподавательскую лямку. Кроме того, вузы всегда находились под более плотным административным и бюрократическим контролем, а от преподавателей требовалось и требуется выполнение многих ритуальных, технических действий в виде отчетности, далеко не всегда продуктивных совещаний и проч. Это иссушает сознание, превращает преподавательскую работу в конвейер. Академические исследователи же всё-таки находились немного в другом положении и даже в советское время имели чуть больше личной свободы. Поэтому и наши учителя в магистратуре подходили к процессу преподавания как к работе в творческой мастерской, что вдохновляло и нас.

Итогом нашего обучения в магистратуре должна была стать подготовленная магистерская диссертация и после публичной защиты, получение диплома. Это был диплом негосударственного образца и я его не получил — уж не помню по какой причине, но не связанной с неуспеваемостью: все экзамены сдал и итоговую работу защитил. Возможно, в том году дипломы просто не напечатали. В данном случае credentials не важны, важно, что я был там и что я был там именно в то время.

Из впечатлений о процессе обучения стоит упомянуть ИНИОН РАН. Мне он видится символом несовершенство утопического прорыва советской науки к мировым лидерским позициям: сделаны огромные инвестиции, достигнуты большие результаты, но все это либо осталось невостребованным, либо пришло в упадок. В 1960-70-е гг. в районе метро Профсоюзная возник целый академический кластер: было построено несколько модернистских зданий, где разместились важные научные центры — Центральная медицинская библиотека, куб Академии сельхознаук, Институт Океанологии, к которому вела широкая, но вечно нуждающаяся в ремонте лестница, «Дом с ухом» (высотное здание с огромной лентой Мебиуса в качестве декоративного элемента) — ЦЭМИ, Институт экономики, Институт Дальнего Востока, Архив Академии наук и т.д. В основном, эти здания были спроектированы на излете оттепели и возведены в первой половине семидесятых, а потому в архитектурном смысле были решены в модернистском стиле — ненастившее прекрасное светлое будущее НТР отражалось в запыленных окнах ИНИОНа с его огромными внутренними пространствами, стеклянными стенами, главной лестницей, мостом, переброшенным через давно высохший пруд, и колпаками потолочных круглых окон-фонарей. Плюс потрепанная, но стильная мебель, пришедшая прямиком из декораций к «Сталкеру» Тарковского. После Пензы, масштабы и размах ИНИОНа поражали. Впрочем, в конце 1990-х гг. и само здание, и атмосфера в нем навевали мысли об ушедшем прекрасном прошлом, но довольно грустном настоящем: модернистские фасады и интерьеры ветшали и требовали ухода, буфет радовал образцами советской столовской кухни, которая вошла в моду только через десять лет, да и объем закупаемой зарубежной литературы сни-

зился — библиотечные фонды старели, хотя именно там можно было найти достойные американские и британские книги по социальным наукам, приобретенные в предыдущие годы. В ИНИОНе⁷ был книжный магазин, продававший научную литературу, в том числе сборники реферативных обзоров, готовившиеся сотрудниками этого института. Знаю, что сейчас к этому жанру научной работы скорее относятся с презрением, однако, думаю, что его важность сохраняется и в настоящее время — это и функция просвещения, и функция картографии ключевых публикаций по различным дисциплинарным областям.

Что же я вынес из обучения в «кухтеринской» магистратуре? Слишком многое, чтобы ответить просто. Думаю, здесь началось мое превращение из «никого», имевшего какое-то высшее образование в того, кто связывает свою профессиональную биографию с социологическими исследованиями и социальными науками. Здесь же я встретил своего Учителя в социологии — Инну Феликсовну Девятко, которая во многом предопределила мой дальнейший путь. Не хочу говорить громких слов о «социологическом мышлении» или «социологическом воображении», но к концу обучения я стал немного понимать, чем включенное наблюдение отличается от массового опроса, чем функционализм — от постмодернизма, а идеи Мишеля Фуко от работ Эмиля Дюркгейма. Также я получил навыки социологического письма — того, как создаются тексты, хотя и не могу похвастать тем, что в полной мере смог реализовать эти навыки. Может самое важное, что я усвоил ключевые составляющие настоящей академической культуры — коллегиальность, ориентация на содержательный результат, антибюрократичность, вовлеченность, открытость к диалогу, неформальность, дружелюбие без круговой поруки, понимание важности критики со стороны коллег и многое другое. Сейчас это мне помогает в общении с коллегами и в работе, но зачастую и мешает спокойно относиться к тем или иным административным новациям и формам удушающего бюрократического контроля. Но такова жизнь...

— Я не знаю, должен ли был магистр готовить какую-либо итоговую работу, если да, то какой тебе было посвящено Ваше исследование?

— Завершение магистратуры предполагало подготовку и защиту диссертации. При выборе темы работы я долго обсуждал её с Инной Феликсовной, которая, например, предлагала мне ориентироваться на социологию медицины — направление очень перспективное, что я понял намного позже. В то время я имел очень узкий кругозор, особенно в социальных науках, и поэтому не очень хотел уходить далеко от привычного мне менеджмента, рассмотрев его уже в социологической перспективе. Так в качестве темы работы был выбран сюжет профессионализации менеджмента в России в контексте становления бизнес-образования. Развивая эту тему, я, в конце концов, подготовил кандидатскую диссертацию и уже на протяжении долгого времени специализируюсь в области социологии профессий. Ну а что из этого получается — тут можно судить только по публикациям.

— Закончились «Кухтеринские курсы», как дальше пошла Ваша жизнь?

— Я бы не называл магистерскую программу Центра социологического образования «курсами»: «Кухтеринские курсы» это месячные стажировки, которые проходили в центре, а мы всё же были слушателями полноценной магистратуры. Для того чтоб понять, какие решения и почему мной были приняты по окончании кухтеринской магистратуры, нужно немного рассказать о ходе нашей жизни в то время.

Два месяца до нового 1999 года прошли очень быстро и за этот время наша немногочисленная группа магистрантов хоро-

⁷ Фрагмент об ИНИОН РАН был написан мною в декабре 2014 г., еще до знаменитого пожара. Когда я поехал на пожарище спустя неделю и увидел остатки ИНИОНа, то понял, что этой библиотеке уже не быть тем, чем она была прежде — с точки зрения атмосферы, архитектуры и, может быть, с точки зрения содержательного наполнения. Кто знает — вероятно, будет что-то новое, лучшее и современное, но это уже не тот ИНИОН — символ советской Большой науки в период, когда она достигла вершины и стала спускаться вниз по склону истории.

шо перезнакомилась друг с другом, и многие успели подружиться. Тем более долгое отсутствие стипендии из-за финансового кризиса 1998 года, новизна обстановки и академический энтузиазм вполне этому способствовали: были бесконечные посиделки в ДАС-2 на Островитянова 35а, городские прогулки, включение в изучение научной литературы и многое другое. Наш курс состоял из людей, приехавших из разных регионов страны — Томска (прибывшие оттуда нам представляли его исключительно как «Северные Афины» за уникальную университетскую культуру, там существовавшую), Нижнего Новгорода, Ульяновска, Сыктывкара, Перми, Краснодара. Были и москвичи, охотно присоединившиеся к нашей «дасовской» тусовке.

Унификация городской жизни, произошедшая в 2000-е благодаря потребительской революции и десятилетию экономического роста, тогда еще не добралась даже до многих областных центров, а поэтому контраст между уже благополучной и яркой Москвой и многими региональными городами, находившимися в состоянии постсоветской депрессии, был очень заметным. Например, приехав на первые новогодние каникулы в Пензу, я был поражен какой-то безлюдностью, неприкаянностью и холодной зимней тьме городского пространства на фоне живой, освещенной Москвы. Пенза оставила впечатление города, находящегося в глубоком кризисе и прошедшего какой-то большой исторический катаклизм: так, наверное, выглядел Петроград в 1921 году — гражданская война вроде завершилось, но жизнь еще не оттаяла от её ужасов: атмосфера как в недавнем фильме «Роль» (реж. К. Лопушанский, 2013 г.). На мой взгляд, первые признаки оживления пензенской жизни наступили где-то после 2003 года.

Впрочем, вернемся в Москву. После новогодних каникул атмосфера в нашей группе неуловимо изменилось: общих тусовок и безудержного веселья стало меньше — нужно было работать над эссе, обдумывать диссертацию и вообще определяться с будущим. Мой приезд в столицу 11 января 1999 года, однако, сопровождался чудовищной головной болью после вынужденно выпитого ужасного самогона, который мне усиленно предлагали милиционеры, работавшие вахтовым методом в Москве и оказавшиеся со мной в купе, куда они сели на одном из полустанков недалеко от Пензы. По пути они не только старались напоить меня дурным самогоном, но и делились историями о своих криминальных приключениях в Москве во время патрулирования.

С февраля я и мои одноклассники начали задумываться о подработках, поскольку большинству стало очевидным, что после окончания обучения в свои города они не вернуться, и будут искать возможности для закрепления в Москве. Подработки пришли по линии приятельских отношений с саратовскими аспирантками Г.С. Батыгина Настей и Тани, также живших в ДАСе и участвовавших в наших посиделках. Они работали в сфере политконсалтинга, и как раз с зимы 1999 года стартовал очередной электоральный цикл по выборам в Государственную Думу. В то время на этих выборах были мажоритарные округа и партийные списки, а сами избирательные кампании проходили весело — со скандалами, подкупам, разоблачениями и разухабистой политической рекламой. Естественно, были нужны организаторы и аниматоры этих «политических утренников», а поэтому появилось занятие политического консультанта и аналитика, куда в поисках заработков и приключений устремились многие обедневшие академические профессионалы из гуманитариев, а то и вовсе «вечные аспиранты». Российский политический PR процветал, о чем реалистично написал В. Пелевин в своем «Generation Пи», а я поделился своими впечатлениями в

скромном эссе, изданном в журнале «Рубеж» в конце 2000 г.⁸. Не минула чаша сия и нас.

Настя и Таня работали в одной из политконсалтинговых московских контор, и эта контора занималась всем циклом аналитического и организационного сопровождения избирательных кампаний: исследованиями, черным и белым PR, аналитикой, формированием имиджа кандидатов и многим другим. Бизнес был выгодный и быстрорастущий, а значит, для его развития требовались люди. Мигранты-магистранты, какими мы были, вполне подходили в качестве недорогой рабочей силы.

На первом этапе нас задействовали в качестве интервьюеров, проводивших анкетные опросы в подмосковных городах. Помню, как Фархад, известный тогда социолог и сотрудник этого агентства стоял у карты Московской области и, подобно полководцу, распределял силы опросного десанта. Мне достались Дубна и Красноармейск. Обычно я выезжал ранними хмурыми февральскими утрами по выходным и проводил весь день на улице в поисках респондентов. В Дубне, я обосновался у крупного продуктового магазина и приставал к покупателям, а в Красноармейске флинеровал на площади, куда прибывали местные автобусные рейсы. Серенький день, серенький, перепачканный и прокисший за время оттепели снег на автобусной площади, подковой окруженной железным рядом «комков»⁹ с чипсами, пивом, лимонадом, сниккерсами, и я с анкетами, пристающий к прохожим. Отказов от интервью было меньше, чем ожидалось — думаю, сейчас проводить уличные опросы сложнее: всем надоели рекламные приставаля.

Тут уместно вспомнить и о своем первом интервьюерском опыте, который я получил еще в Пензе года за два до переезда в Москву. Мой одноклассник и хороший друг Игорь Р. получал пару заказов на «поле»: один по теме внедорожников УАЗа, второй — от «табачников». Оба заказа пришлось на летний период, но для них требовались респонденты разного типа. «УАЗ» думал о выпуске новой линейки коммерческих внедорожников и его интересовали люди, отвечающие за транспорт в разных организациях. Помню, что бывал на пензенской базе МЧС — тогда «спасатели» еще напоминали интеллигентных альпинистов из песен Визбора, а не выпускников имперских кадетских корпусов. Также запомнился неудачный визит на Компрессорный завод, поразивший меня мертвой тишиной и пустотой — промышленность находилась в упадке. «Сигаретный опрос» был «квартирником», мне досталась не самая благополучная часть города — относительно свежая панельная застройка на Окружной, населенная преимущественно рабочими заводов Терновки и Южной Поляны. Я ходил и мучительно пытался набрать респондентов согласно полученной квоте и следуя правилам квартирного отбора. Поиск затруднялся тем, что в качестве респондентов в основном нужны были мужчины, которые реже бывали дома в будние дни, а выходные проводили на даче или рыбалке. Зато увидел разных людей, интервьюеры, образы жизни — от молодой семьи начинающего алкоголика, куда я наведывался раза три, а жена каждый раз ссылалась на «недомогание мужа», и просила прийти еще раз, до предпринимателя с большим подозрением отнесшегося к опросу, отказавшегося давать свои контактные данные и сведения о доходе, но все же пустившем меня в квартиру.

Итак, с февраля 1999 года большинство моих одноклассников по кухтеринской магистратуре в той или иной форме вовлеклись в практический политконсалтинг. Надо сказать, некоторые остались там на несколько лет или оттуда начали свою блестящую карьеру в бизнесе в качестве специалистов по мар-

⁸ Абрамов Р.Н. Трансформация методов социологического исследования под влиянием практики политического консалтинга: опыт включенного наблюдения // Рубеж (альманах социальных исследований). 2000. № 15. С. 188-210. <http://ecsocman.hse.ru/data/341/420/1216/aBRAMOW.pdf>

⁹ Так называли металлические коммерческие киоски, появившиеся в первой половине 1990-х гг. по всей стране на волне рыночных реформ. Сейчас почти исчезли.

кетингу. Думаю, что где-то в марте я понял, что не собираюсь возвращаться в Пензу или переезжать в Саратов, а поэтому стал размышлять о том, что делать дальше. Во время обучения в кухтеринском центре мы несколько раз бывали с экскурсиями в Шанинке, а поскольку я ощущал, что одного года мало для полноценного социологического образования, то я решил попробовать поступить туда. Еще у меня приходила всё большая уверенность в том, что я хотел бы, чтобы моим научным руководителем была Инна Феликсовна Девятко, что также было возможно при условии, что я остаюсь в Москве.

По условиям нашего обучения мы могли провести лето в общежитии ДАСа, а потом, после защиты магистерской диссертации, должны были его покинуть. Денег на жилье не было и это тоже влияло не образовательные и профессиональные карьеры моих сокурсников. Не помню, как именно так произошло, но уже в июне 1999 года я стал подрабатывать не только в качестве интервьюера, но и в роли «аналитика» всё в том же политконсалтинговом агентстве. Что значит работать «аналитиком» в этом организационном контексте? Это значит быстро писать отчеты по результатам качественных и количественных исследований, и это ремесло мне пришлось осваивать на ходу. Не буду здесь останавливаться на его особенностях, тем более, что кое-что я описал всё в той же статье в «Рубеже».

Лето 1999 года прошло быстро и весело: конечно, я что-то делал и для магистерской диссертации, но в основном работал и развлекался с коллегами по политконсалтинговой фирме. Помню, как нередко попивали вино из бутылки на траве в парке у Китай-города, где Памятник Героям Плевны, как несколько раз выбирались в ночные клубы, начиная от буржуазного джазового «Л-Клуба» на Таганке вечером и заканчивая это путешествие ближе к утру в по-гусарски игрой в бильярд с кием в одной руке, и бутылкой шампанского в другой где-нибудь на брутальной «Свалке», что тогда располагалась у метро Профсоюзная. Впрочем, это было раз или два, не более — ограниченные бюджеты и недостаток свободного времени не располагали к долгим загулам.

Во второй половине августа я узнал, что поступил в МВШСЭН и передо мной возникла дилемма: оставаться ли в политконсалтинге, где руководством компании мне уже были высказаны заманчивые обещания растущего материального благополучия и карьерных высот или снова переходить на паек из стодолларовой стипендии. Я выбрал МВШСЭН и, хотя еще некоторое время продолжал сотрудничать в политконсалтинге, это уже была проектная работа.

— Итак, в 1999 году Вы поступили в «Шанинку», много ли студентов тогда набрали на социологию? Всех сразу прикрепили к наставникам или какое-то время читались лишь общие курсы? Чьи курсы оказались для Вас наиболее интересными? Удалось ли продолжить работу под руководством Инны Феликсовны Девятко?

— Да, я решил, что приоритетом станет обучение в Шанинке и работа над кандидатской диссертацией, а поэтому оставил регулярную работу в политическом консалтинге. Какие-то проекты я продолжал делать вплоть до весны 2000 года, но уже в качестве приглашенного аналитика и без выездов в региональные командировки для участия в электоральных PR-кампаниях, приносивших основной доход коллегам. Насколько я помню, наша группа в Шанинке состояла приблизительно из 20–22 человек и оттуда вышли теперь уже ставшие очень известными и именитыми исследователи, преподаватели, организаторы науки — Д. Стребков, Д. Рогозин, Н. Даудрих, М. Добрякова, О. Синявская, М. Рассохина и другие. Я не помню точно процедуру выбора научного руководителя в Шанинке, помню только, что я советовался с Г.С. Батыгиным, показав ему свою магистерскую диссертацию из Института социологии РАН, но, в конце концов, моим научным руководителем стал В.В. Радаев. При этом я не разрывал связи с «кухтеринским центром» и И.Ф. Девятко, твердо решив готовить кандидатскую диссертацию под её руководством.

Тема работы в Шанинке также была связана с проблематикой management studies, только акцент был сделан на социологию профессий, в связи с чем я познакомился с работами Т. Парсонса, Э. Дюркгейма и других по данной проблематике.

Трудно сказать, какие именно курсы оказались самыми интересными в Шанинке, поскольку, как и в «Кухтеринском центре», каждый курс был авторским, а преподаватели, не зажатые вузовской бюрократией, свободно подходили к формированию программ курсов и содержанию занятий. Пожалуй, просто перечислю тех преподавателей, курсы которых я посещал: Г.С. Батыгин, А.Ф. Филиппов, А.О. Крыштановский, В.В. Радаев, Б.Ю. Кагарлицкий, В.В. Вагин, Н.Е. Покровский, В.А. Ядов, В.В. Сапов и другие. Всем преподавателям я очень благодарен не только за лекции и семинары, но и за советы по подготовке эссе и выпускной работы, которые оказались очень важными для меня в дальнейшем.

В то время «шанинцы» жили в общежитии на территории тогдашней АНХ, в гостинице для слушателей программ МВА. Моя комната была на двенадцатом или тринадцатом этаже, и я её делил с Владимиром К., учившимся на факультете «Менеджмент в культуре». Из обзорного окна был виден проспект Вернадского с высотками административных зданий позднего советского времени. Тогда городской пейзаж с бесконечным движением автомобилей по освещенному проспекту казался воплощением биения пульса мегаполиса: сегодня Юго-Западная застроена так плотно, что брежневские корпоративные здания теряются на фоне небоскребов девелоперского бума последнего десятилетия.

Сравнивая Шанинку и магистратуру Кухтеринского центра, могу сказать, что и там и там у меня были прекрасные преподаватели и хорошие условия для обучения и исследовательской работы. Конечно, масштабы деятельности МВШСЭН намного больше, чем работа Кухтеринского центра, но в целом обе эти точки были исключительно важными для становления нового социологического образования и обновления исследовательской повестки дня в российской социологии.

— Я не помню, «Шанинка» давала второе образование или являлась аспирантурой? По какой проблематике Вы готовили итоговую (дипломную или кандидатскую) работу?

— Как я уже говорил, в Шанинке я продолжил работу над исследованием становления профессии менеджера в России и международном контексте. Помимо чтения литературы, я вел эмпирическое исследование — встречался с руководителями и основателями бизнес-школ и расспрашивал их о том, как происходило становление нашего бизнес-образования.

Шанинка не была аспирантурой и помимо магистерского диплома Манчестерского университета, по окончании полного курса мы получили сертификат о профессиональной переподготовке. Вручение дипломов в Шанинке традиционно является главным событием года и проходит в торжественной обстановке в соответствии с традициями и ритуалами британских университетов. Помню, что примерка мантии и академической шапочки стал важным символическим актом, обозначившим новый этап в жизни.

— Роман, теперь, пожалуйста, расскажите о Вашем кандидатском исследовании: проблематика, методология, как шла работа, когда состоялась защита?

— Название темы моего диссертационного исследования «Легитимация профессиональной власти менеджеров: историко-теоретический анализ института бизнес-образования в России» на слух звучит как тема работы, выполненной в духе социологии управления — подобных защищается множество на кафедрах менеджмента теми, кто преподаёт соответствующие дисциплины или является практикующим консультантом по управлению. Однако с этой традицией моя работа почти не имела ничего общего, что и позволило мне защищаться по теоретической специальности 22.00.01. Ключевая идея исследо-

вания заключалась в том, чтобы, используя концептуальный аппарат критических management studies, социологии профессий и социологии организаций реконструировать профессиональный проект менеджмента (или в советском варианте — науки управления) в контексте развития бизнес-образования. В теоретической части работы я обратился к классическим и современным концепциям социологии организаций, также рассмотрел некоторые аспекты трансформации профессий на фоне расширения роли высшего образования как центра производства специалистов. Заметное место уделено истории НОТ (научной организации труда) как формы менеджериальной идеологии. Здесь я опирался на зарубежную литературу и на русскоязычные источники: от публикаций по теме НОТ 1920-х гг., которые можно было найти в ИНИОНе до вполне достойных аналитических обзоров 1970-80-х гг., посвященных критике «западного менеджизма» и «корпоративизма», в которых на основе современных источников вполне релевантно раскрывались составляющие менеджериальной революции и трансформации организационного контекста в условиях позднего капитализма. Тогда же прочитал «Властвующую элиту» Р. Миллса, стал немного знакомиться с неомарксистскими концепциями идеологии Д. Лукача, А. Грамши и т.п.

Эмпирическое исследование, которое в рамках моей специальности носило скорее иллюстративный характер, представляло собой цикл интервью с лидерами российского движения за легитимацию бизнес-образования в виде MBA (Master of business administration). Это были руководители бизнес-школ — Академии внешней торговли, Школы бизнеса МГУ, Высшей школы бизнеса и предпринимательства при АНХ и т.д. Интервью получились крайне содержательные и интересные — многие из информантов начинали в качестве академических ученых в начале 1970-х гг. и хорошо знали то, как появились первые ростки управленческого образования современного типа в период перестройки. Транскрипты интервью приложены к тексту диссертации.

Защита состоялась в самом начале декабря 2000 г. в Институте социологии РАН. До этого я представлял концепцию работы, а затем и проходил предзащиту в секторе Истории и теории социологии Института социологии РАН, который тогда возглавлял Ю.Н. Давыдов. Сектор тогда работал над многолетним «Истории теоретической социологии» и я, будучи аспирантом сектора, присутствовал на его заседаниях, где обсуждались и будущие тома этого издания и проходили содержательные семинары, где сотрудники представляли результаты своей работы. Всё происходившее там захватывало меня, поскольку я был свидетелем (в большей степени) настоящих научных дискуссий, касающихся истории социологической теории и её современного состояния. К тому же получилось так, что я стал членом коллектива, состоящего из авторов оранжевого «соросовского» учебника по социологической теории, который так помог мне при поступлении в «кухтеринскую» магистратуру.

Возвращаясь к кандидатской, могу сказать, что защита прошла благополучно, хотя деталей я не помню из-за волнения. Оппонентами на защите были Н.Е. Покровский и М.Ф. Черныш. На основе диссертационного исследования, существенно его расширив и дополнив новым материалом, через несколько лет я подготовил монографию, посвященную исследованию менеджмента как профессии¹⁰. Но это было позже.

— Прочитав все, могу сказать, что тема Вашей кандидатской и ее интерпретация делают честь и Вам, и И.Ф. Девятко. Есть «историко-теоретический анализ», есть «институт», есть «образование», предзащита — в секторе Истории и теории социологии. После такой работы Вы спокойно могли двигаться в любом направлении, к тому

же, имея опыт политконсультирования. Чему Вы отдали предпочтение? Как начиналась жизнь после завершения 2000 года?

— Не знаю, что имеется в виду под «любым направлением», но на момент защиты диссертации моя ситуация была такова. Я доживал свой срок в ДАС-2 на Островитянова, жена поступила в Шанинку и жила в общежитии на Юго-Западной. Работы тогда не было, поскольку в последние месяцы перед защитой я занимался доводкой диссертации и сопутствующими бюрократическими делами. Деньги, заработанные в политконсалтинге, заканчивались. Так что в декабре 2000 г. передо мной действительно лежал весь мир, и можно было пойти в любую сторону.

Как-то так сложилось, что всё-таки я не хотел порывать с научной деятельностью, и весной 2001 года стал научным сотрудником сектора теории и истории социологии Института социологии РАН. Коллеги, работавшие в то время в академических институтах, знают о смехотворно низком уровне оплаты труда: в науке можно было выжить либо «сидя на грантах» (предпочтительнее — зарубежных), либо имея вторую занятость в виде практических проектов и разных подработок.

Так поступил и я, став аналитиком в небольшой PR-компании, занимавшейся бизнес-коммуникациями, консалтингом, event-managment, рекламой, исследованиями и прочими аналитическо-организационными услугами для бизнеса. Гибкий график и разнообразное содержание работы делали её вполне привлекательной. К тому же я стал бывать на всяких встречах в только-только отстраивающихся организационно и пространственно российских компаниях разного уровня, и это был любопытный опыт наблюдения за игрой клерков в настоящих «менеджерах», «пиарщиках», «диджейщиках», «рекламистах».

Что еще произошло в то время? Осенью мы с женой съехали из наших общежитий и переехали в двухкомнатную квартиру в Новогиреево, на отдаленную улицу Сталеваров (позже пришлось жить и на ул. Новаторов в районе Ленинского проспекта), которую сняли вместе с однокурсниками по Шанинке. Квартира находилась в длинной грязно-бежевой девятиэтажке брежневской поры с бесконечным числом подъездов: наш был, кажется, четырнадцатый. Сама квартира оставалась закрытой много лет, поскольку её владелица после расставания с мужем нередко оказывалась на лечении в психиатрической клинике, а жить переехала к родителям. Мы стали первыми арендаторами и когда заехали в квартиру, то оказались в музее поздней советской эпохи — начиная от продуктов, вроде пачек грузинского чая, датированных 1987-м г., и заканчивая мебелью и одеждой — всё хранилось на своих местах примерно с конца восьмидесятых. Это создало и некоторые сложности для нас — не оказалось места для вещей. Несмотря на удаленность от метро и другие неудобства, это всё же было не общежитие, а поэтому мы вполне наладили свой быт. Прожили в этой квартире мы около года и съехали, потому что у хозяйки возникла какая-то паранойя по поводу нас как арендаторов.

Думаю, что опыт съема московского жилья на рубеже девяностых-двухтысячных стоит описать и ретроспективно исследовать — это был абсолютно черный рынок без всяких правил. Московский строительный бум только начинался, а поэтому сегмент аренды, главным образом, составляли, так называемые, «бабушкины квартиры» без ремонта со старой мебелью и атмосферой бесприютности, тлена и упадка. К тому же многие из этих квартир имели вид чрезвычайно затасканный из-за частой смены арендаторов, относившихся к интерьеру снимаемого жилья без пиетета. Тогда мало кто из арендодателей задумывался о косметическом ремонте «под сдачу», а IKEA с её понятной и недорогой мебелью пришла на рынок только в марте 2000 года, и в то время её мебель отнюдь не рассматривалась в low-cost сегменте. Также объявления о сдаче в аренду прихо-

¹⁰ Абрамов Р.Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: УРСС, 2005.

дилось выискивать в газетах — соответствующие интернет-ресурсы находились в зачаточном состоянии. Что было интересного в этих квартирах — это библиотеки: бесконечные тома «анжелик» и серенькие четырехтомники Джека Лондона перемежались с классикой, качественной современной литературой и периодикой. Было что почитать.

Подводя итог этому периоду своей жизни, могу сказать, что это был обычный переход от полустуденческого формата к формату интеллектуального гастарбайтерства — кочевание по съемному жилью, работы и подработки при попытках сохранения основной линии, связанной с научной деятельностью.

— Если бы меня попросили охарактеризовать общее в Вашем стиле ответа на мои вопросы и в рассказах Виктора Вахштайна, Дениса Подвойского и Дмитрия Рогозина, я сказал бы: «Биография в контексте повседневности». Интересно, каждый из Вас пришел к подобному курсу самостоятельно или это свидетельство принадлежности к общей школе?

— Трудно говорить о принадлежности нас к общей школе и, возможно, к одному поколению: всё-таки В. Вахштайн — это уже дерзкое постсоветское поколение, тогда как я до 16 лет жил в СССР. К тому же и профессиональное становление происходило у нас с названными Вами коллегами по-разному, хотя и в одном контексте. Свои ответы на вопросы, как Вы помните, Борис Зусманович, я начал давать летом 2014 года, и это интервью было сделано больше чем наполовину к моменту, когда были опубликованы соответствующие тексты уважаемых коллег.

Поэтому тут я скорее могу просто порассуждать о своём взгляде на этот жанр. Как я уже говорил, о профессиональной деятельности того или иного ученого, в первую очередь, следует судить по его академическим публикациям, а не по событийной насыщенности его личной биографии, истории его семьи или социальном происхождении. Одновременно, биографические интервью могут быть источником информации для исследователей социальной истории той или иной научной дисциплины: этот метод активно используют историки, антропологи, социологи. В таком случае становится не столь важно имя конкретного информанта, сколько произведенный им рассказ о своей биографии, который ложится в ряд других подобных нарративов как источник информации для исследователя. Тогда есть смысл собирать биографические нарративы, хотя, на мой взгляд, более интересными и содержательными являются устные и письменные воспоминания и биографические интервью «старейшин» тех, чья профессиональная и личная биография в основном состоялась и они, во-первых, свободны в своих суждениях, а во-вторых, у них есть, что рассказать о себе, своем окружении. В этом отношении собранные Вами материалы интервью со старшим поколением советских и российских социологов бесценны, поскольку формируют коммеморативное пространство нашей дисциплины, и служат важным источником для исследований истории отечественной социологии.

Возможно, интервью с коллегами моего возраста и более младшего поколения не столь значимы в этом контексте. Кроме того, я, например, не знаю — останусь ли в профессии или буду «вычищен» в ходе в одной из кампаний по повышению эффективности российской науки и образования. В таком случае моё интервью интересно лишь как кейс «drop out» — неудачника от профессии. Мне кажется, что накопленные Вами, Борис Зусманович, материалы интервью и опыт коммуникаций с коллегами в процессе сбора этих материалов нуждаются в рефлексии второго порядка — анализа характера этих коммуникаций и обобщения методологических аспектов данного исследования. Это было бы интересно в контексте растущего объема исследований социальной памяти и знания о прошлом в социальных науках.

Когда я (как Вы помните, не без некоторого сопротивления), согласился на это интервью, то видел его не как самопрезентацию собственной уникальной биографии, а как один из нарративов, который может оказаться полезным для исследования и понимания характера времени (zeitgeist) и деталей повседневности этого времени, которые обычно ускользают от аналитического взгляда. В юности на меня сильное впечатление произвела биографическая проза И. Бродского (отрывок его эссе «Полторы комнаты» был опубликован в журнале «Ровесник» на рубеже 1980-х-1990-х годов), блестящий текст В. Набокова «Далекие берега» и, позже уже в начале 2000-х годов, прочитанные мною воспоминания известного художника и свидетеля взлета Серебряного века А. Бенуа. Стилистически безупречные, погружающие в жизненный мир своих героев и их время, тексты.

Наряду с этим, на протяжении примерно десяти лет я активно интересовался ностальгией по советскому периоду (в первую очередь — меморизацией эпохи брежневского застоя) и искал, читал и анализировал как опубликованные воспоминания об этом времени (например, деятелей московского концептуализма), так и многочисленные «народные свидетельства», разбросанные по блогосфере и российскому сегменту интернета. Эти свидетельства порой представляют собой завершённые и блестящие с точки зрения стиля памятные заметки, иногда — они становятся результатом обмена репликами в блогах, и во всех этих случаях они чрезвычайно любопытны в контексте исследований социальной памяти. Думаю, что эта работа также повлияла на меня в процессе ответов на Ваши вопросы.

— Вот именно, что же было или стало основной линией? Единство методологии или верность одному предмету? Или нечто иное...

— Полагаю, что ни то, ни другое. В основном, в академической сфере я работал с данными, которые можно отнести к, так называемой, «качественной социологии», но это не является осознанно выбранной идеологией, поскольку в рамках своей практической и профессиональной деятельности (например, в ФОМе) я также анализировал данные массовых опросов, а благодаря участию в проектах о folk science под руководством И.Ф. Девятко, имел дело с экспериментальными методами в социологии.

То же и в отношении верности предмету — начинал я с исследований в области management studies, затем переориентировался на социологию профессий. Однако, это не значит, что я не интересовался городской социологией, социологией высшего образования и, конечно, историей и теорией социологии. Например, мой академический интерес к социологическим аспектам ностальгии возник из личного интереса к эпохе застоя и её коммеморации сегодня. Просто мне хотелось что-то написать об этом и начал я с эмпирического анализа ностальгического сегмента российской блогосферы, а затем и рассмотрел ностальгию как теоретический концепт. Другая тема — популяризация научного знания стала объектом моего интереса, поскольку я в среднем школьном возрасте активно читал «Химию и жизнь» и был очарован текстами и графическим исполнением журнала, а в 2011-м г. блестящий социолог науки Андрей Кожанов предложил рассмотреть феномен Popular Science в контексте теорий социологии науки и научного знания. Так был реализован коллективный проект с участием магистрантов и студентов НИУ ВШЭ.

Боюсь, что всё это выглядит немного не фундаментально — я не могу покаяться верности какого-то одному методу, предмету, теоретику или описать свою работу как миссию по изучению или даже просвещению общества, скорее я могу сказать, что для меня крайне важно мнение моих учителей, близких друзей и коллег о сделанных мною исследованиях и написанных текстах. Этой оценки достаточно.